

Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз

С. М. Оленников

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Оленников, Сергей М. 2018. «Соотношение гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений на примере квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 383–396. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.308>

В статье приводится сравнительный анализ регулирования имущественных отношений нормами гражданского и уголовного права. Предметом изучения являются законодательство и судебная практика в части квалификации сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз. Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность за мошенничество, т. е. хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159), и за разбой, т. е. нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия или с угрозой его применения. В соответствии с Гражданским кодексом РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, насилия или угрозы, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего (ст. 179). В статье сформулированы критерии решения вопроса о том, когда та или иная сделка, упомянутая при описании преступного поведения в уголовном законе, выпадает из сферы гражданско-правового регулирования, а когда может считаться действительной и аннулироваться лишь на основании положений Гражданского кодекса РФ. Действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, находятся за пределами гражданско-правового регулирования имущественных отношений, если осуществляются по поводу объектов (товаров и услуг), ограниченных в обороте, или являются способом уголовно-наказуемого посягательства на чужую собственность. В случаях, когда уголовно-правовые запреты направлены на охрану иных отношений (свободы договора, установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности и т. д.), совершенные сделки должны считаться действительными и аннулироваться в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Ключевые слова: гражданское право, уголовное право, сделка, обман, мошенничество, насилие, угрозы.

1. Введение. Общественные отношения, связанные с производством, присвоением и распределением материальных благ, регулируются преимущественно нормами гражданского права, поскольку природа этих отношений требует при-

менения частнопроводного метода. Вещное и обязательственное право, регулируя статику и динамику имущественных отношений, предоставляют их субъектам эффективные инструменты реализации собственных интересов, а также обеспечивают стабильность оборота и защиту его добросовестных участников.

При этом правила игры на рынке, определяющие правовые границы, в рамках которых возможна правомерная экономическая деятельность, устанавливаются не только нормами гражданского права. Публичное регулирование может преследовать те же цели (стабильность оборота и защита добросовестных участников), но использовать другие методы с учетом того, что в упорядочении имущественных отношений имеется заметный публичный интерес.

Одним из ключевых элементов имущественного оборота является сделка. В соответствии с законом сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Двусторонняя или многосторонняя сделка (гражданско-правовой договор), будучи результатом выражения согласованной воли сторон, обеспечивает правомерное перемещение материальных благ между участниками оборота. Ценность сделки как инструмента рынка состоит в том, что она юридически опосредует имущественный оборот с участием равноправных субъектов экономической деятельности.

В реальной жизни действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, зачастую сопровождаются нарушениями законодательства — как частного, так и публичного. Гражданский кодекс РФ (далее — ГК) содержит для таких случаев нормы, позволяющие аннулировать правовые последствия сделки в целях восстановления нарушенных прав. При этом применяются различные механизмы в зависимости от существа нарушений, допущенных участниками экономической деятельности. По общему правилу сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, т. е. может быть признана недействительной по решению суда, если она нарушает права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку. Однако нарушение ряда норм ГК, требований других нормативных актов, а также совершение сделки с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, являются основанием считать такую сделку ничтожной, т. е. не порождающей юридических последствий с момента ее совершения и вне зависимости от признания ее таковой судом.

Таким образом, на случай незаконного заключения сделки гражданское законодательство содержит самостоятельные инструменты восстановления нарушенного порядка отношений между участниками имущественного оборота в виде непризнания юридической силы совершаемых ими действий.

В то же время публичное законодательство признает некоторые действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, правонарушениями и предусматривает санкции за их совершение. Например, уголовным законом в качестве преступлений предусмотрены: мошенничество в сфере кредитования; совершение в целях легализации (отмывания) сделок с имуществом, приобретенным преступным путем; незаконный оборот драгоценных металлов; незаконное получение кредита и другие. Действующий Уголовный кодекс РФ (далее — УК) даже пользуется термином «сделка» при описании объективной стороны некоторых преступлений (ст. 174, 179, 191 УК).

Таким образом, уголовное законодательство, выполняя присущими ему средствами задачу охраны общественных отношений от преступных посягательств, также предусматривает на случай незаконного заключения сделки правовые механизмы восстановления порядка общественных отношений, нарушенного в том числе участниками имущественного оборота.

2. Основное исследование. Взаимосвязь гражданско-правовых и уголовно-правовых механизмов защиты имущественных прав. В юридической науке вопрос о соотношении гражданско-правовых и уголовно-правовых механизмов защиты имущественных прав обсуждается давно, но главным образом криминалистами. Н. С. Таганцев в «Курсе русского уголовного права», предваряя обзор существующих теорий различия «уголовной неправды» и «гражданской неправды», отмечал, что «грань, отделяющая даже в современной юридической жизни эти два вида неправды, представляется весьма тонкой и иногда даже едва уловимой; таково, например, различие между обманом гражданским и обманом уголовно наказуемым, между самоуправством гражданским и уголовным». Поэтому доктрина еще в XIX в. в ряде случаев отказалась от попытки принципиально различать «неправду» уголовную и гражданскую, поскольку каждая из них представляет различные стороны одного и того же правонарушающего посягательства (Таганцев 1902, 103).

В настоящее время авторы, исследующие вопросы пересечения гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений, также приходят к выводу, что конкуренция между отраслевыми механизмами отсутствует. Например, В. В. Долинская и И. В. Шишко пишут: «В отношении одного и того же субъективного права могут быть задействованы различные меры защиты, если сущность конкуренции заключается в выборе норм, регулирующих одно и то же отношение, то коллизировать между собой нормы этих отраслей права не могут. Из охранительной функции уголовного права и упорядочивания позитивных отношений регулятивными нормами (включая гражданско-правовые) вытекает необходимость не выбора регулятивной или охранительной, а часто одновременного применения этих норм» (Долинская и Шишко 2017, 132). Схожую позицию занимают А. Г. Безверхов и А. И. Розенцвайг, рассуждая о разграничении мошенничества и недействительных сделок, совершенных под влиянием обмана (Безверхов и Розенцвейг 2012).

При такой постановке вопроса справедливо вести речь о взаимном дополнении гражданско-правовых механизмов защиты имущественных прав уголовно-правовыми средствами. С определенными оговорками приведенный подход соответствует распространенному представлению об уголовном праве как об охранительной отрасли, задача которой — не регулировать общественные отношения, а охранять общественные отношения, урегулированные нормами других отраслей. Хотя такой взгляд на уголовное право, разработанный немецкой наукой, был поддержан некоторыми дореволюционными и советскими учеными, в настоящее время большинство криминалистов признают за уголовным правом самостоятельное регулятивное начало.

Действительно, существуют составы преступлений, которые устанавливают ответственность за неисполнение обязанностей, предусмотренных нормами иных отраслей права: невыплата заработной платы (трудовое право), неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (семейное право), злост-

ное уклонение от погашения кредиторской задолженности (гражданское право), уклонение от уплаты налогов (налоговое право) и т. п. Признание производности, вторичности приведенных запретов не умаляет значение уголовного права, а, напротив, подчеркивает его дополнительную, достаточно ограниченную и, увы, исторически неизбежную роль — применение наиболее жестких санкций, когда воздействие других отраслей права оказывается недостаточным.

Вместе с тем в Особенной части УК содержится значительное количество запретов, имеющих самостоятельный характер, а уголовно-правовая норма, взаимодействуя с нормами других отраслей права, оказывает регулирующее воздействие на поведение людей, выполняя в том числе задачу предупреждения совершения преступлений. Правомерное поведение людей, соблюдающих предписания (запреты и обязанности), установленные УК, и есть регулятивный эффект действия норм уголовного права. «Уголовно-правовая норма имеет двух адресатов и выполняет две функции. Первая функция и адресат связаны с обеспечением правомерного поведения ее субъектов. Ее реализация — регулирование и охрана обычных, “нормальных” общественных отношений. Эта функция — основная. Вторая функция — дополнительная, производная от первой, поэтому ее можно назвать резервной: она появляется лишь тогда и именно потому, что не срабатывает первая, и задача ее состоит в реализации угрозы, заключенной в санкции» (Прохоров, Кропачев и Тарбагаев 1989, 43).

Для дальнейших рассуждений важно подчеркнуть тезис: нормы уголовного права, вопреки распространенному мнению, не только охраняют общественные отношения, но и регулируют поведение людей в тех сферах, которые представляют наибольшую ценность для общества. При охране личности уголовный закон предписывает всем воздерживаться под угрозой наказания от посягательств на жизнь и здоровье человека, половую свободу и половую неприкосновенность, при охране имущественной сферы — от посягательств на чужую собственность, при охране общественного порядка — от посягательств на общественную безопасность, здоровье населения, безопасность на транспорте и т. д.

Конкуренция гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений. С учетом изложенного представляет интерес несколько иной взгляд на вопрос о соотношении гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений. Следует признать, что нормы ГК и УК, предназначенные для восстановления правопорядка, нарушенного поведением участников имущественного оборота, действительно могут применяться одновременно, дополняя друг друга. Но как должен решаться вопрос, если гражданское и уголовное право содержат различные нормы не в охранительном, а в регулятивном аспекте?

Например, наличие в УК норм об ответственности за хищения вводит всеобщий запрет совершения действий, направленных на завладение с корыстной целью чужим имуществом путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежа и разбоя. Означает ли это, что в действующей системе права не может признаваться правомерным, в том числе с точки зрения гражданского права, оборот имущества, если таковой сопровождается нарушением уголовно-правового регулирования отношений собственности? Или, говоря конкретнее: возможна ли ситуация, при которой одни и те же действия по передаче-получению имущества с точки зрения гражд-

данского права квалифицируются как правомерные (заключение договора) и порождают обязательственное гражданское правоотношение, а с точки зрения уголовного права квалифицируются в качестве преступления и вследствие нарушения регулятивной нормы порождают охранительное уголовное правоотношение?

Ученый-криминалист И. Я. Фойницкий в XIX в. писал: «У нас в моде не обращать внимания на начала гражданского права при анализе уголовно-юридических вопросов, имеющих с ними самую тесную связь; эти начала свысока называют “тонкостями”, упуская из виду, что гражданские и уголовные постановления писаны одним и те же законодателем и могут иметь своею задачею только охранение одних и тех же отношений. Ведь нельзя допустить, в самом деле, что по мысли закона одно и то же явление вызывает и не вызывает государственную охрану ввиду только того, к которому из отделений суда обратился потерпевший, нельзя думать, что неправое по закону в глазах одного суда является правым в глазах другого» (Фойницкий 1871, 97).

Приведем в качестве иллюстрации современный пример. Руководитель коммерческой организации обратился в банк с заявкой на получение кредита, заведомо не имея намерения возвращать заемные средства. В целях введения сотрудников банка в заблуждение он предоставил ложные сведения о платежеспособности. Кредит был выдан, однако впоследствии денежные средства со счетов организации были перечислены на счета подконтрольных юридических лиц, и руководитель распорядился ими по своему усмотрению.

Уголовно-правовая квалификация действий по заключению кредитного договора и завладению деньгами банка при описанных обстоятельствах — мошенничество в сфере кредитования, т. е. хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных сведений (ст. 159.1 УК). В то же время в соответствии с п. 2 ст. 179 ГК сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Иными словами, сделка является оспоримой и действительной, пока отсутствует соответствующее судебное решение по гражданскому делу.

Учитывая, с одной стороны, наличие неоспоренного договора кредита, заключенного и действующего в соответствии с нормами ГК, а с другой — наличие признаков хищения, фактически совершенного и криминализованного в соответствии с нормами УК, можно предложить следующие варианты правовой оценки ситуации:

- 1) гражданское правоотношение (между коммерческой организацией-заемщиком и банком-кредитором) и уголовное правоотношение (между государством, руководителем организации — преступником и банком-потерпевшим) возникают и существуют параллельно, независимо друг от друга;
- 2) гражданское и уголовное правоотношения в данном случае исключают друг друга, поскольку:
 - либо в связи с выдачей кредита возникли и существуют договорные правоотношения без признаков криминала;
 - либо договорные правоотношения отсутствуют, поскольку под видом договора было совершено преступление.

Первый подход предполагает изолированный отраслевой взгляд на действия участников имущественного оборота. Основания для такого подхода могут быть

найденны в жестком функциональном разграничении гражданско-правовых и уголовно-правовых механизмов регулирования. Действительность/недействительность сделки — категории исключительно цивилистические и поэтому исчерпывающим образом регулируются положениями ГК.

При этом ГК, разумеется, учитывает возможное нарушение участниками сделки действующего законодательства, в том числе публичного. Поэтому признаются ничтожными сделки, образующие объективную сторону преступлений, но лишь некоторых — таких, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои (пока оставим в стороне вопрос о том, существуют ли преступления, не нарушающие основополагающие начала российского правопорядка, принципы организации общества и т. д.). По мнению Верховного Суда РФ, к таковым относятся производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте: соответствующие виды оружия, боеприпасов (ст. 222 УК), наркотических средств (ст. 228.1 УК); изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду (ст. 280, 282 УК); изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг (ст. 186, 327 УК)¹.

Однако нарушение, выразившееся в обмане контрагента, ГК относит лишь к основаниям оспоримости и потому предполагает гражданско-правовую квалификацию действий кредитора и заемщика как действительной сделки, хотя и совершенной под влиянием обмана. Поэтому, как пишет К. И. Скловский, «по материалам уголовного дела соответствующая сделка, обычно — оспоримая, может называться лишь сделкой с установленным пороком (поскольку обман установлен приговором), но не недействительной. Ни для уголовного, ни для гражданского закона такая квалификация сама по себе прямых юридических следствий не влечет и имеет смысл лишь постольку, поскольку позволяет избавиться от неточного тезиса об автоматически вытекающей из обвинительного приговора недействительности сделки» (Скловский 2010, 667). Развивая мысль автора, представим далее, что банк для защиты своих интересов (проще говоря — для возвращения денег) задействовал доступные ему гражданско-правовые и уголовно-правовые механизмы, но не заявил о недействительности сделки. В гражданско-правовом порядке банк обратился с иском о взыскании задолженности по договору кредита, и иск был удовлетворен. Одновременно банк обратился с заявлением в правоохранительные органы, и было возбуждено уголовное дело. В результате расследования руководитель организации был привлечен к ответственности за мошенничество, и его виновность установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Судебными актами — решением по гражданскому делу и приговором суда — будут установлены одинаковые фактические обстоятельства: физическое лицо, действуя в качестве руководителя организации, заключило от ее имени договор, получило возможность распоряжаться и распорядилось кредитными денежными

¹ См. п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ». Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «Консультант Плюс». Дата обращения 2 марта, 2018. <http://www.consultant.ru>.

средствами, но обязательства по возврату имущества не исполнило, причинив банку ущерб.

Вместе с тем указанные фактические обстоятельства в гражданском и уголовном процессе получают различную правовую оценку:

— в соответствии с решением по гражданскому делу констатировано неисполнение договорного обязательства — заемщик получил кредитные денежные средства, но в установленный договором срок не возвратил их банку;

— в соответствии с решением по уголовному делу констатировано совершение деяния, содержащего признаки состава преступления — противоправное, совершенное с корыстной целью изъятие и обращение чужого имущества (денежных средств банка) в пользу виновного (заемщика) путем обмана, т. е. мошенничество.

На первый взгляд, видимое противоречие между гражданско-правовой и уголовно-правовой оценкой отсутствует. Фактические обстоятельства дела совпадают, а различная правовая оценка обусловлена различиями в предмете доказывания и в отраслевой квалификации. И все-таки более тщательный анализ позволяет обнаружить, что правовая оценка перехода имущества от одного участника оборота к другому как гражданско-правомерной и уголовно-противоправной деятельности является юридически упречной.

Во-первых, статус кредитного договора как действительного предполагает, что банк по этому договору передал денежные средства в собственность заемщику. Решение суда по гражданскому делу в пользу банка означает, что банк исполнил свои договорные обязательства, передал деньги коммерческой организации и перестал быть их собственником на договорном основании. Между тем мошенничество — это преступление против собственности, и признание банка потерпевшим по делу о мошенничестве предполагает, что деньги, находящиеся в собственности банка, были украдены. Очевидно, что одни и те же деньги не могли быть у банка похищены и переданы им как собственником заемщику по действительному договору кредита.

Во-вторых, описанная ситуация создает возможность взыскания ущерба, причиненного банку, в двойном размере: один раз — с коммерческой организации-заемщика в рамках гражданского дела о нарушении договорных обязательств, а второй — с физического лица в качестве возмещения вреда, причиненного преступлением по уголовному делу о мошенничестве. Если исходить из предположения, что договорное правоотношение существует одновременно с уголовной ответственностью, то оснований для отказа в возмещении по каждому из исков не усматривается. Такой позиции придерживается и судебная практика².

Устранение описанных противоречий возможно посредством разграничения гражданско-правового и уголовно-правового регулирования имущественных отношений. Отправной точкой для рассуждений на этот счет можно считать следующий тезис: не всякий переход имущества от одного участника оборота к другому регулируется нормами ГК. Так, Верховный Суд РФ предлагает считать ничтожными сделки с объектами, ограниченными в гражданском обороте, — оружием, наркотиками, экстремистскими материалами, поддельными документами (к этому перечню можно добавить: человека, а также его органы и ткани, контрафактные

² См., напр.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.06.2009 № ВАС-7902/09.

экземпляры произведений, порнографическую продукцию с участием несовершеннолетних и другие «товары»). Ничтожными сделками следует признавать и соглашения, связанные с преступным «оказанием услуг»: передача имущества взяточдателем взяткополучателю за служебное поведение, коммерческий подкуп, подстрекательство путем подкупа к совершению любого преступления (оплата убийства по найму; подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний), легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем, финансирование терроризма и др.

Чтобы не умножать примеры, полагаем возможным выявить то общее, что объединяет все указанные действия: внешняя картина гражданско-правового соглашения (сделки), этого соглашения не образующая. Перед нами действия, лишь по форме напоминающие сделку, но выходящие за пределы гражданско-правового регулирования общественных отношений, поскольку образуют не «нормальный», а «криминальный» имущественный оборот. Гражданское право закономерно не дает в руки преступникам свои инструменты, предназначенные для регулирования легального рынка. Кстати, попытка преступного использования именно этой функции сделки — регулирование легального оборота — предстает в чистом виде при совершении преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК: совершение сделок с имуществом, заведомо приобретенным преступным путем, в целях его легализации (отмывания), т. е. придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом.

Укладывается ли в предложенную схему пример с мошенничеством посредством заключения кредитного договора? С одной стороны, в отличие от приведенных примеров ничтожных сделок, объекты, ограниченные в обороте, в случае с кредитом не фигурируют. С другой стороны, гражданско-правовые договорные конструкции, предназначенные для опосредования «нормального» имущественного оборота, не могут сохранять силу при их использовании в качестве инструмента совершения преступления (в данном случае — в качестве способа криминального посягательства на чужую собственность). Это противоречит сущности сделки как инструмента реализации правомерных интересов участников имущественного оборота.

Возможно, действующие нормы ГК, относящие сделки под влиянием обмана к категории оспоримых, основаны на представлении о том, что при их совершении нарушается лишь частный интерес. С этим можно согласиться, но с оговорками. Дело в том, что порочащий сделку обман, если он становится способом совершения преступления, переводит совершение сделки в публичную сферу действия уголовного права. Когда имущественный оборот является «криминальным», заключенная сделка, хотя и причиняет ущерб частному лицу, посягает вместе с тем на публичный порядок. При совершении любого преступления преступник вступает в конфликт не с потерпевшим, а с обществом, представленным в этом конфликте установленным порядком отношений между людьми. Поэтому уголовное преследование по общему правилу является публичным, т. е. не зависит от волеизъявления потерпевшего, а общественная опасность хищения определяется нарушением общественных отношений собственности и не сводится к тому локальному ущербу, который причиняется конкретному потерпевшему. Этим объясняется, почему при совершении мошенничества причиняется «всего лишь» имущественный ущерб,

а предусмотренная законом расплата за содеянное — часть человеческой жизни (санкция за мошенничество в сфере кредитования по ч. 4 ст. 159.1 УК — до 10 лет лишения свободы).

Поэтому если передача имущества, внешне напоминающая сделку, образует состав преступления против собственности, то такой имущественный оборот — предмет регулирования уголовного права. Уголовно-правовой запрет мошенничества, равно как и других форм хищений, «уничтожает» гражданско-правовую сделку, оформляющую совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества запрещенными УК способами. Речь может идти о «сделке» лишь в уголовно-правовом значении, т. е. о преступной деятельности, осуществляемой иногда под видом, под прикрытием договора. Вряд ли есть основания утверждать, что безвозмездная передача имущества после требования, подкрепленного демонстрацией оружия (разбой), выступает договором дарения, хотя и совершенным под влиянием угроз, но действительным с точки зрения гражданского права. Во всех случаях хищений воля на передачу имущества у потерпевшего отсутствует: только при краже она игнорируется (хищение является тайным), при грабеже и разбое — подавляется (применением насилия или угрозой его применения), а при мошенничестве — фальсифицируется (путем обмана или злоупотребления доверием) (см. об этом: Бойцов 2002).

Такое понимание природы «соглашения» о передаче имущества, заключенного между двумя преступниками, а в некоторых случаях — между преступником и потерпевшим, соответствует понятию ничтожной сделки, которая является не сделкой, а правонарушением: «Здесь только внешний облик сделки, а по существу — недозволенное действие» (Новицкий 1954, 65). При совершении преступления под видом заключения договора имеет место только фактический переход имущества от потерпевшего к преступнику. Юридические последствия гражданско-правовой сделки отсутствуют — не происходит переноса права собственности от одного участника оборота к другому.

Предложенная квалификация действий участников имущественных отношений позволяет разрешить выявленные и указанные выше противоречия в примере с мошенничеством в сфере кредитования: 1) поскольку передача денег под видом договора кредита не влечет юридических последствий, банк остается собственником денежных средств, уголовно-противоправное изъятие которых образует посягательство на его (банка) собственность; 2) банк не может претендовать на возврат денежных средств по договору кредита, поскольку указанные денежные средства не были переданы заемщику по причине их хищения, но банк вправе заявить гражданский иск в уголовном деле о хищении.

С учетом изложенного нуждаются в объяснении еще два взаимосвязанных вопроса:

- 1) в каких случаях подлежат применению п. 1 и 2 ст. 179 ГК (недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия и угроз);
- 2) любая ли сделка, упомянутая в уголовном законе, выпадает из сферы гражданско-правового регулирования.

Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия и угроз (ст. 179 ГК). Постановка вопросов обусловлена тем, что обманные сделки в настоящем исследовании ассоциированы с обманом как способом мошен-

ничества, а насилие и угрозы при заключении сделок являются типичными методами ведения криминального «бизнеса». И будто бы выходит, что применению п. 1 и 2 ст. 179 ГК не остается места, поскольку приведенные положения закона предписывают считать сделку оспоримой, но действительной, а из всего вышесказанного следует, что криминальная сделка действительной быть не может.

Тем не менее рассуждения о необходимости выведения за пределы гражданско-правового регулирования мошеннических (путем обмана) и прочих криминальных «соглашений» (путем насилия и угроз) не дезавуируют положения об оспоримости сделок, совершенных под влиянием обмана, насилия и угроз, а лишь ограничивают сферу их применения.

В частности, не всякий обман при совершении сделки образует состав преступления. Если намеренное введение в заблуждение контрагента не привело к обогащению за его счет, признаки хищения отсутствуют, так как отсутствует обязательная для хищения корыстная цель. Сделка будет действительной, но оспоримой. Например, продавец убедил покупателя в том, что продаваемый автомобиль с небольшим пробегом стоит ниже рыночной цены в связи со срочностью продажи. После сделки выясняется, что показания одометра были умышленно и существенно занижены. Сделку можно считать совершенной под влиянием обмана относительно характеристик проданного товара, но мошенничество в действиях продавца отсутствует, если цена в договоре соответствовала рыночной стоимости автомобиля.

Этой же логики необходимо придерживаться при квалификации насилия и угроз для понуждения к совершению сделки. Гражданско-правовая сделка всегда «уничтожается», если насилие или угрозы были способами совершения преступлений против собственности (хищения или вымогательства), т. е. преступного обогащения виновного за счет имущества потерпевшего. Если же имущественные интересы потерпевшего не пострадали — например, собственника принудили заключить сделку под влиянием угроз и насилия, но заплатили ему рыночную цену — сделку нужно считать оспоримой.

Следует учитывать, правда, что реакции УК заслуживают общественно опасные способы склонения к гражданско-правовой сделке: всякое насилие — безусловно, и угрозы — при определенных условиях (например, угрозы совершения правомерных действий могут не образовать преступления, но послужить основанием для применения п. 1 ст. 179 ГК).

Уголовный закон реагирует на угрозы и насилие в ст. 179 — принуждение к совершению сделки путем угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких (ч. 1), либо путем применения насилия (ч. 2). Важно подчеркнуть, что ст. 179 УК применяется только при отсутствии признаков преступлений против собственности — хищения и вымогательства. Если потерпевшего насильственно принудили «подарить» (т. е. безвозмездно передать) свое имущество, то перед нами хищение (в форме грабежа или разбоя в зависимости от интенсивности насилия) либо вымогательство, а не принуждение к совершению сделки в смысле ст. 179 УК. Такой «договор дарения» не подпадает и под действие п. 1 ст. 179 ГК.

Поэтому представляется возможным одновременное применение именно ст. 179 УК и ст. 179 ГК — совершенная при указанных в ст. 179 УК обстоятельствах

сделка будет считаться действительной, если она не оспорена (п. 1 ст. 179 ГК). При этом лица, виновные в применении насилия или использовании угроз, должны быть привлечены к уголовной ответственности (ст. 179 УК). Поскольку насилие и угрозы здесь предшествуют сделке и не являются способом корыстного завладения имуществом потерпевшего (ст. 179 УК охраняет не отношения собственности, а свободу договора), конкуренции между гражданско-правовым и уголовно-правовым регулированием имущественных отношений не возникает.

Другой пример преступления в сфере экономической деятельности, который также не исключает применение положений ст. 179 ГК, — незаконное получение кредита. В ст. 176 УК это деяние описывается так: незаконное получение кредита путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб. Разграничение между незаконным получением кредита (ст. 176 УК) и мошенничеством (ст. 159, 159.1 УК) проводится по направленности умысла. Если в момент заключения договора и получения денег заемщик заведомо не намеревался их возвращать — это мошенничество. Если при получении кредита заемщик имел намерение вернуть деньги, но впоследствии не исполнил свои обязательства по объективным причинам (в силу рискованного характера предпринимательской деятельности) — это незаконное получение кредита. Поэтому во втором случае отсутствует нарушение уголовно-правового запрета посягательств на отношения собственности. Статья 176 УК охраняет установленный порядок отношений в сфере кредитования.

С учетом приведенных критериев можно предположить, что сам по себе обман при получении кредита является незаконным не в уголовно-правовом, а в гражданско-правовом смысле. Если заемщик, несмотря на этот обман, все же исполнит договорные обязательства, преступление отсутствует, так как анализируемый состав по конструкции материальный, т. е. требует наступления последствий в виде крупного ущерба. Поэтому договор кредита, заключенный при обстоятельствах, указанных в ст. 176 УК, следует считать оспоримой сделкой в смысле п. 2 ст. 179 ГК. По существу, преступление выражается не в противоправном изъятии имущества (как это происходит при совершении преступлений против собственности), а в следующем за заключением кредитного договора неисполнении взятых на себя обязательств.

В этой ситуации с учетом признания кредитного договора действительным с одновременным возможным привлечением к уголовной ответственности за его неисполнение вновь возникает указанная выше проблема допустимости двойного взыскания ущерба: кредитор может одновременно взыскивать денежную сумму в связи с неисполнением договорного обязательства и в связи с причинением ущерба совершенным преступлением.

Поиском решения похожей проблемы недавно занимался Конституционный Суд РФ, оценивая сложившуюся практику двойного взыскания ущерба по налоговым делам. Физическое лицо признается виновным в уклонении от уплаты налогов с организации, после чего налоговые органы взыскивают сумму неуплаченного налога дважды: один раз с самой организации и второй — с физического лица в виде ущерба, причиненного преступлением. Конституционный Суд пришел к выводу, что возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией

налога, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при подтверждении окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком. В противном случае имело бы место взыскание ущерба в двойном размере, а значит, неосновательное обогащение бюджета, чем нарушался бы баланс частных и публичных интересов, а также гарантированные Конституцией РФ свобода экономической деятельности и принцип неприкосновенности частной собственности³.

Правовую позицию Конституционного Суда РФ можно распространить и на определение порядка возмещения ущерба, причиненного неисполнением гражданско-правовых обязательств, сопряженным с привлечением физического лица к уголовной ответственности за это же деяние. Поскольку уголовная ответственность в этом случае производна от ответственности договорной, ущерб должен взыскиваться с организации-заемщика. И только если организация прекратила свое существование или по иным причинам взыскание с обязанной по договору стороны невозможно, ущерб подлежит возмещению физическим лицом, обвиненным в совершении преступления.

В завершение рассуждений о том, любая ли сделка, упомянутая в уголовном законе, выпадает из сферы гражданско-правового регулирования, можно особо упомянуть еще одну группу составов преступлений, совершение которых связано с участием в имущественном обороте посредством заключения сделок, но при этом такие сделки не утрачивают своего гражданско-правового значения. Речь идет о поведении участников рынка, которое криминализировано не в связи с регулированием имущественных отношений, а в целях уголовно-правовой охраны иных объектов. Например, объективная сторона незаконного предпринимательства, т. е. осуществления предпринимательской деятельности без регистрации или без лицензии (ст. 171 УК), выражается в систематическом совершении гражданско-правовых сделок. Однако сам по себе факт привлечения к уголовной ответственности за такую деятельность не влечет ничтожность совершенных сделок, поскольку уголовный закон вводит ответственность не за предпринимательство как таковое, а за нарушение порядка его осуществления. Поскольку критерием криминализации является не противоправное содержание деятельности, а ее ненадлежащая форма, заключенные сделки должны признаваться действительными.

3. Выводы. На основании приведенных примеров можно сформулировать критерии решения вопроса о том, когда та или иная сделка, упомянутая при описании преступного поведения в уголовном законе, выпадает из сферы гражданско-правового регулирования, а когда может считаться действительной и аннулироваться лишь на основании положений ГК. Действия граждан и юридических лиц, оформленные в виде сделок, находятся за пределами гражданско-правового регулирования имущественных отношений, если осуществляются по поводу объектов (товаров и услуг), ограниченных в обороте, или являются способом уголовно-наказуемого посягательства на чужую собственность. В случаях, когда уголовно-правовые запреты направлены на охрану иных отношений (принципов кредитования,

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса РФ, подп. 14 п. 1 ст. 31 Налогового кодекса РФ, ст. 199.2 Уголовного кодекса РФ и ч. 1 ст. 54 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева».

свободы договора, установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности и т. д.), совершенные сделки должны считаться действительными и аннулироваться в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Библиография

- Бойцов, Александр И. 2002. *Преступления против собственности*. СПб.: Юридический центр «Пресс».
- Безверхов, Артур Г., Анна И. Розенцвайг. 2012. «Мошенничество и сделка, совершенная под влиянием обмана: конкуренция или совокупность?» *Уголовное право* 3: 8–14.
- Долинская, Владимира В., Ирина В. Шишко. 2017. «Обманные действия по ст. 179 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 165 Уголовного кодекса Российской Федерации». *Актуальные проблемы российского права* 3: 127–142.
- Новицкий, Иван Б. 1954. *Сделки. Исковая давность*. М.: Госюриздат.
- Прохоров, Вадим С., Николай М. Кропачев, Алексей Н. Тарбагаев. 1989. *Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность*. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та.
- Скловский, Константин И. 2010. *Собственность в гражданском праве*. М.: Статут.
- Таганцев, Николай С. 1902. *Курс уголовного права*. СПб.: Государственная типография.
- Фойницкий, Иван Я. 1871. *Мошенничество по действующему русскому праву*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».

Статья поступила в редакцию 2 марта 2018 г.,
рекомендована в печать 30 мая 2018 г.

Контактная информация:

Оленников Сергей Михайлович — канд. юрид. наук, доц.; s.olennikov@spbu.ru

The ratio of civil and criminal law regulation of property relations on the example of qualification of transactions, made under the influence of deception, violence and threats

S. M. Olennikov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Olennikov, Sergei M. 2018. “The ratio of civil and criminal law regulation of property relations on the example of qualification of transactions, made under the influence of deception, violence and threats”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 383–396. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.308>

The article deals with a comparative analysis of the regulation of property relations of civil and criminal law. The subject of the study is the legislation and judicial practice in terms of the qualification of transactions made under the influence of deception of violence and threats. As a result of the analysis, conclusions were drawn that transactions are outside the civil-law regulation of property relations if they are carried out concerning objects that are limited in a turnover or are a way of punishable infringement of another's property. In cases where criminal-legal prohibitions are aimed at the protection of other relations (principles of lending, freedom of contract, the established procedure for carrying out entrepreneurial activities, etc.), the transactions concluded must be deemed valid and annulled in accordance with the procedure provided for by civil law. On the basis of examples it is possible to stipulate criteria for resolving the issue of when a transaction mentioned in the description of criminal conduct

in a criminal law falls outside the scope of civil law regulation, and when it can be deemed valid can only be revoked based on the provisions of the Russian Civil Code. The actions of citizens and legal entities, executed in the form of transactions, are outside the Civil Law of property relations if they are carried out concerning objects (goods and services) that are limited in a turnover or are a way of punishable infringement of another's property. In cases where criminal-legal prohibitions are aimed at the protection of other relations (freedom of contract, the established procedure for carrying out entrepreneurial activities, etc.), the transactions concluded must be deemed valid and annulled in accordance with the procedure provided for Civil Law.

Keywords: civil law, criminal law, transaction, deception, fraud, violence, threats.

References

- Bezverkhov, Arthur G., Anna I. Rozentsvaig. 2012. "Moshennichestvo i sdelka, sovershennaia pod vlianiem obmana: konkurentsia ili sovokupnost'?" ["Fraud and Transaction Made Under the Influence of Deception: Competition or Set of Offenses?"]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]* 3: 8–14. (In Russian)
- Boitsov, Alexander I. 2002. *Prestupleniia protiv sobstvennosti [Crimes against ownership]*. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr "Press". (In Russian)
- Dolinskaja, Vladimira V., Irina V. Shishko. 2017. "Obmannye deistviia po st. 179 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i st. 165 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii" ["Fraudulent Actions Under Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]* 3: 127–142. (In Russian)
- Foynitsky, Ivan Ya. 1871. *Moshennichestvo po deistvuiushchemu russkomu pravu [Fraud on Russian Law]*. St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za". (In Russian)
- Novitsky, Ivan B. 1954. *Sdelki. Iskovaia davnost' [Limitation of actions]*. Moscow: Gosizurizdat. (In Russian)
- Prohorov, Vadim S., Nikolai M. Kropachev, Alexey N. Tarbagaev. 1989. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniia: norma, pravootnoshenie, otvetstvennost' [Mechanism of Criminal Law Regulation: Norm, Legal Relationship, Responsibility]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University Publ. (In Russian)
- Sklovsky, Konstantin I. 2010. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave [Property in Civil Law]*. Moscow: Statut. (In Russian)
- Tagantsev, Nikolai S. 1902. *Kurs ugolovnogo prava [Course of Criminal Law]*. St. Petersburg: State Publ. (In Russian)

Author's information:

Sergei M. Olennikov — PhD, Associate Professor; s.olennikov@spbu.ru